

Выставки

ОБРАЗ МЫСЛИ, ИВАНОВЫМ ПРОДИКТОВАННЫЙ

Под таким названием в залах Чувашского художественного музея открыта выставка, приуроченная к юбилею классика чувашской литературы.

Впервые литературной дате посвящена столь огромная экспозиция. Скажем, на выставке по случаю 90-летия поэта были показаны сто пять работ шестнадцати авторов. А теперь, к столетию, создатели выставки поставили задачу собрать воедино весь изобразительный материал, выполненный художниками Чувашии. Собрано свыше тысячи произведений более ста авторов. К сожалению, далеко не все вошло в экспозицию, довольно перенасыщенную.

И все же, несмотря на тесноту, третий этаж музея праздничен. Впервые в экспозиции представлено столь большое количество портретов одного человека — Константина Иванова. В некоторых залах их по нескольку. Впервые собраны вместе все иллюстрации художников Чувашии к поэме «Нарспи» и другим произведениям поэта. Впервые Нарспи представлена в столь многообразных и неповторимых обликах. Впервые в полном объеме представлен подготовительный материал художников старшего поколения, работавших над темой «Нарспи» пятьдесят и более лет назад.

Отрывают экспозицию, конечно же, живописные работы самого поэта. Возвращение к жизни реставратор Ю. Бубновым три небольших полотна говорят о незаурядном живописном таланте К. В. Иванова.

Не назвал свое полотно именем Нарспи старейшина чувашского изобразительного искусства М. Спиридонов. Написанная семидесятилетним художником «Невеста» по мотивам поэмы стала лебединой песней Моисея Спиридоновича, сегодня это — жемчужина чувашской портретной живописи.

Большим открытием выставки стало творчество Ю. Зайцева. Собранные вместе работы художника представляют впечатляющую картину масштабности его интереса к творчеству К. В. Иванова и теме

«Нарспи». Прежде всего не однозначен в его исполнении портрет поэта. Пожалуй, это первое значительное художественное интерпретирование личности автора «Нарспи».

Огромен документальный (этюды, зарисовки, эскизы) материал, выполненный Зайцевым в 1939—1940 годах на родине поэта в Слакбаше. Удивительно, что, документализируя быт башкирских чувашей, Зайцев в том же 1940-м создает небольшое полотно «Свадьба Нарспи и Тахтамана» — поистине чувашское, с его особым колоритом, отсекая каким-то не поддающимся словесному объяснению национальным психологизмом башкирское влияние. Ведь картина по сути эскизна, нет лиц, лишь пятна. Наверное, немало надо было бы еще и доделать, но как точны характер события и характеристики людей в их пластике, красноречивых жестах, движениях, взаимоотношениях друг с другом. А детали дома, амбарных приборов, дерева, облака на небе и особенно костюмы? Художнику не хааета холста, он дошивает его, увеличивая подрамник. Как объяснить колорит картины? Впрочем, здесь все до невероятности живое, национальное, чувашское. Не случайно она и привлекает особое внимание как одно из ранних произведений на ивановскую тему. Среди всего собранного материала, где органично встали в один ряд произведения художника, пожалуй, особенно выделяются эскизы, осуществление которых принесло бы чувашскому искусству ряд интереснейших произведений (время репрессий украло их у нас), подобных полотну «Нарспи. Смерть Тахтамана». Картина, построенной на сильных цветовых контрастах, диагональной динамике композиционного противостояния фигур главных героев, картина, вы-

ражающей предельное эмоциональное напряжение, бурю страстей.

Не сохранило время и росписи стен Чувашской филармонии, выполненные Н. Сверчковым в пятидесятые годы. На выставке о них напоминает нам эскиз триптиха по мотивам «Нарспи».

Тему биографических страниц жизни поэта открывает картина П. Кипарисова «К. Иванов слушает песню». Дипломная работа художника, выполненная в лучших традициях русской реалистической живописи, была повторена автором для Чувашского художественного музея. Сегодня в экспозиции можно также увидеть подготовительный живописный и графический материал, привезенный впервые в Чебоксары с недавней персональной выставке работ художника.

К 40—50 годам относятся и первые скульптурные изображения К. Иванова. Два как бы эскизных варианта предваряют монументальный памятник поэту, который был создан И. Кудрявцевым, первым чувашским скульптором, под руководством В. Мухомова. Памятник стоит на высоком волжском берегу и хорошо известен чебоксарцам. Рядом со скульптурным портретом поэта стоит и бронзовый портрет И. Я. Яковлева работы скульптора Ю. Ксенофонтова.

И хотя прошедший конкурс на создание нового памятника поэту пока окончательных результатов не дал, приобщение молодых сил к ивановской теме очевидно, что подтверждают произведения стандартной скульптуры. Это и «К. Иванов» (бронза) молодого скульптора С. Кадкина (совместно с москвичом П. Чусовитиным), и только что отлитая в алюминии работа «Нарспи и Сетнер» А. Майраслова, нашего земляка, живущего в Москве, в ряд других

Вслед за биографической живописной доминантой выставки — полотном Кипарисова — следует назвать оба варианта картины В. Агеева «К. Иванов на празднике хоронящего ильзовых чувашей в 1912 году». Но наибольший интерес представляют не живописные полотна Агеева, а его «Свадьба» из графической серии листов, объединенных названием «Тахтаман». И здесь опять хочется сказать: впервые. Из огромного графического и живописного иллюстративного ряда никто из художников не отдавал столь заметного предпочтения такому персонажу поэмы, как Тахтаман. Агеев создал серию листов (акварель, темпера), посвятив их не столь уж привлекательному герою, но сумев сопережить его личную трагедию, придав ему свои авторские черты, привлекая внимание зрителей к судьбе Тахтамана.

Коль скоро мы заговорили о графических работах — раздела самого большого на выставке, — то первым в этом ряду, конечно же, надо назвать имя И. Григорьева. Впервые после смерти художника собраны вместе (Иван Трофимович был предельно требователен к себе) подготовительные рисунки, эскизы, десятки вариантов линогравюры и «Нарспи», над которыми он работал всю жизнь. Иллюстрации (акварель, гуашь) И. Григорьева, выполненные им к изданной для детей на чувашском и русском в 1970 и 1978 годах книжке «Сентен» К. Иванова, обладают непосредственностью прикосновения не только к музе поэта, они уникальны изображением подлинной природы башкирских мест — родины не только К. В. Иванова и самого художника. Эти иллюстрации возвращают нас к самой первой работе И. Григорьева — рисунку «Пасту-

шок», гравюру по которому выполнил затем Ф. Быков. Однако из-за разного понимания технического исполнения гравюры и разных творческих установлений Григорьев в дальнейшем отказался от сотрудничества с Быковым. (В 1940 году уже в Москве выходит книжка «Нарспи» с иллюстрациями Ф. Быкова, великолепного гравера, но mente уверенного рисовальщика). Трагический лафос листов серии с характерным «григорьевским» образом Нарспи (не случается на выставке «Портрет дочери Ольги»), исполнен монументальное значение. Возрастающая от листа к листу динамика контрастного, сурового и чеканного языка выделяет гравюры Григорьева на выставке. От первой работы до самых последних, четырехлинейных не только в гравюре, акварели, гуаши, но и в масляной живописи. Иван Трофимович до конца своих дней не утратил страстной преданности героине бессмертной поэмы.

Не менее преданным иллюстратором «Нарспи» стал ч П. Сизов. Начав свою работу в 1947 году, подготовка к изданию в разное время несколько книг «Нарспи» на чувашском и русском. Петр Владимирович в 1970 году создал свою знаменитую серию иллюстраций (цветная линогравюра) к поэме, ставшей вершиной его творческого пути. Постоянное напоминание Сизова на родину поэта завершается созданием ряда пейзажных работ. Но слишком топкпело сердце художника к бессмертной поэме, а потому на выставке показана и новая серия его иллюстраций.

Впервые и в той последовательности, в какой велась работа над иллюстрациями к «Нарспи», показаны листы преддипломной и дипломной

ОБРАЗ МЫСЛИ, ИВАНОВЫМ ПРОДИКТОВАННЫЙ

(Окончание.
Начало на 3-й стр.)

работ и почти весь подготовительный материал к ней А. Миттова. Окончательные варианты принадлежат Научно-исследовательскому музею Академии художеств СССР и фактически лишь во второй раз привезены из Ленинграда. Впервые они были показаны на посмертной выставке работ художника. Так называемые «рабочие» поиски столь многочисленны и многозначны, что лишь немногие из них действительно могут быть названы подготовительными. Пожалуй, именно здесь, в этом зале, самая плотная экспозиция, и от некоторой части вариантов пришлось отказаться. Ведь одноярусная экспозиция миттовских работ потребовала бы не менее трех-четырёх залов. И все же впечатление от знакомства со всем комплексом исполненных работ «Оформления поэмы «Нарспи» (1960—1961, 1965) неожиданно и ошеломляюще. Увеличивается оно при сравнении подлинных работ с иллюстрациями изданной посмертно в 1976 году «Нарспи» в оформлении художника.

Не увидеть, не остановиться и не понять всего этого — значит пройти мимо целого пласта жизни художника. Иллюстрации к «Нарспи» стали предтечей — прежде всего серии миниатюр «По мотивам «Нарспи» и многих других циклов. Каждая из миниатюр по полноте отражений жизненных картин — произведение с открытым глубомысленным подтекстом. Миниатюры Миттова, казавшиеся, следующего за автором поэмы, обладают самостоятель-

ностью и подняты до высокого художественного обобщения. И при всем этом находят утраченную связь времен между настоящим и прошлым чувашского народа. Время отделяет от нас годы жизни художника. Время же делает жизнь Миттова легендой, а его творчество национальной гордостью.

Насколько у Миттова упрощена форма, настолько глубока истина содержательности в его произведениях, следующее за благородной простотой К. Иванова. И потому жаль, что в общем контексте выставки не прозвучало творчество В. Петрова (Праски Витти), ибо хорошо можно было бы проследить преемственность традиций, заложенных Миттовым. Но в искусстве В. Петрова — его графике, станковой и монументальной живописи — сплав натурального мира с условным, с миром символов, орнаментики узоров чувашской вышивки и язык его образной системы далеко не прост. К сожалению, все свое творчество, посвященное Иванову, Праски Витти представил на суд лишь московскому зрителю.

Среди художников среднего поколения, иллюстрировавших поэму, не менее значимое место занимает на выставке серия работ Э. Юрьева. «Нарспи» в оформлении Юрьева стала явлением чувашской книжной графики и полиграфии. Проведя сложнейшую работу от макетирования, художественного и технического редактирования до непосредственного оформления и иллюстраций, Элла Михайлович, которого по праву можно назвать реформатором книжного графического искус-

ства Чувашии, создал для «Нарспи» разработку орнаментально-модульного рисунка поля листа, ставшего доступным чувашской полиграфии. Мастер фотографии, Юрьев разработал и акцидентный шрифт, чем никто из чувашских художников до него не занимался, шрифт, который украсил не только «Нарспи», но и другие образцы книжного искусства и произведения промграфики. Юрьевский юбилейный гарнитур, посвященный столетию К. Иванова, в который входит плакат, сувенирный блокнот, приглашение, буклет и программа праздничного концерта с единым замыслом оформления, еще одно великолепное достижение художника.

Невозможно пройти мимо работ Ф. Осипова, также связавшего свое творчество с именем К. Иванова. Художник представлен не только пейзажами, но и иллюстрациями. Первые иллюстрации к «Сказкам» К. Иванова Осипов выполнил еще в 1954 году. А в этом году, отчасти повторяя свои же темы, но уже в цвете, художник исполняет их более классично, решая композиции панорамно.

Десятки живописцев и графиков среднего и особенно младшего поколения обратились к теме «Нарспи» в связи с юбилейной датой. Сотни работ. В галерее портретов К. Иванова можно увидеть не только мастерство отдельных авторов, но и проследить за развитием чувашского изобразительного искусства. Совер-

шенно различны подходы к картине у Н. Овчинникова и П. Павлова, Н. Алимова и Ю. Бубнова, Н. Карачарскова и В. Немцева, О. Филиппова и Н. Ведерникова. Совершенно полярны живописные миниатюры П. Меркурьева, неприятные в искренней правдивости деревенского быта, и совсем крохотные С. Михайлова, члзвычайно любопытные, полупафистические, полумифические «сюжеты» о бытие древнего чуваша и его космогонических представлениях о мироздании. Сравнения можно продолжить. В серии листов В. Панина по мотивам «Нарспи» — плавная в легких размывах акварель, просвечивающая в узорочье линейного и теневого рисунка — речь художника-прикладника текстильного производства. Работы плакатиста Ю. Николаева, в названия которых взяты стихотворные строки поэмы, оказались наиболее близки к миттовскому — «голубому» прочтению «Нарспи». В них цветовая локальность славяла сюжетные темы в единый поток живописно-мелодии, словно лирическая песенность ивановской поэзии.

Экспозиция выставки несколько расширена в тематических рамках. Среди большей части образов, посвященных Нарспи, выделяются лица «живых» женщин. Это портреты выдающихся чувашских актрис, чья сценическая судьба долгие годы была непрерывно связана с исполнением ролей в спектаклях, поставленных по «Нарспи». Среди них портреты О. И. Ырзэм кисти Р. Ермолаевой и М. Спиридонова, В. К. Кузьминой — П. Григорьева-Савушкина, Н. И. Григорьевой

— Н. Енилина, Е. В. Шорниковой — Н. Садюнова. Великолепно вписался в эту галерею портрет П. Т. Корина (жены художника П. Д. Корина) в чувашском наряде, написанный Н. Пешисвой — снохой М. А. Горького. Прасковья Тихоновна Корина — чувашка, дальняя родственница К. В. Иванова, уроженка тех же мест.

Совсем немного места отведено в экспозиции разделу декоративно-прикладного искусства. Украшением всей выставки стали гобелены «Песнь поэта» и «Легенда» Р. Терюкаловой (выполненные совместно с Ю. Богдязом) — поэтические вальсы художницы. Прекрасен в сверкании холодных бликов изысканный и элегантный черно-белый комплект «Композиция памяти К. В. Иванова» (стекло) О. Дуяк. А рядом декоративно-монументальные стелы «Палак» П. Пулина, миниатюрные гобелены А. Ильбековой, Е. Комаровой, лаковая миниатюра В. Панина, богатейший чувашский орнамент в вышивках, ткачестве, скатертях, полотенцах, сурбанах, платьях Е. Ефремовой, В. Минесвой, Т. Петровой, М. Симаквой, Т. Шарковой, керамика Л. Григорьевой и Л. Коноровой. Перечисление может быть бесконечным. И все это подтверждение тому, как прекрасна земля и народ, взрастившие поэта Константина Иванова.

Но последнее слово о Константине Васильевиче Иванове, о его «Нарспи» еще не сказано. Вдохновляющая сила творчества поэта неисчерпаема.

М. КАРАЧАРСКОВА,
искусствед.